

АЛЕКСЕЙ ФЕНЕНКО

ПРОБЛЕМАТИКА ЯДЕРНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

В современной политологии растет интерес к проблематике *ядерной стабильности* (ЯС)¹. Новый термин понемногу вытесняет понятие «стратегическая стабильность» — ключевой аналитический конструкт периода биполярной конфронтации. Но несмотря на всплеск интереса к новому понятию, его теоретико-методологическое содержание остается не вполне определенным. Более того, едва «вбросив» новую категорию, исследователи стали говорить о ее концептуальном «размывании» под воздействием новейших стратегических и политических тенденций². Задача статьи — уточнить структуру понятия «ядерная стабильность» и по возможности оценить меру соответствия ее концепта нарождающимся реалиям мировой политики.

1

На первый взгляд, термин «ядерная стабильность» (*nuclear stability*) настолько употребим в текущих политических комментариях, что его серьезная научная проработанность не должна вызывать сомнений. В действительности все сложнее. Аналитической литературы военно-политического профиля по этой теме мало. Не оперируют данным понятием и авторы работ по международному праву³. Слово-

сочетание «ядерная стабильность» мелькает лишь в текстах на более или менее общие политические сюжеты. На базе работ последнего типа и можно выделить три основных проблемно-ситуативных контекста употребления этого понятия.

Во-первых, термин ЯС используется при изучении проблем нераспространения ядерного оружия (ЯО). По мнению целого ряда авторов (Эрик Арнетт, Горав Кампани, Паоло Котта-Рамузино, Маурицио Мартеллини и, особенно, Нейл Джоик), распространение ЯО на кризисные регионы (Индостан, Ближний Восток, Корейский полуостров) угрожает повышением конфликтности в них, поскольку на региональных уровнях отсутствуют какие-либо стабилизирующие механизмы или хотя бы практики, характерные глобального советско-американского взаимодействия в 1950–1980-х годах⁴. «В последние годы “холодной войны” сверхдержавы достигли ядерного паритета и продолжали системное соперничество лишь на периферии, уменьшая тем самым риск прямой войны», — с ностальгией подчеркивает шведский политолог Эрик Арнетт⁵. А Нейл Джоик и вовсе видит в ЯС особую «поведенческую категорию» времен «холодной войны». В ее основе, как он полагает, лежит не-

гласное правило: наличие ядерных сил у обоих соперников предотвращает прямую войну между ними⁶. «Стабильность» выступает как тип взаимодействия ядерных стран на основе имеющихся стабилизирующих условий — разграничение конфликтных интересов, отсутствие территориальных споров, наличие военно-стратегического паритета.

На базе исследования опыта советско-американских отношений сторонники данного подхода полагают, что наибольшие опасения внушать должен не сам процесс распространения ЯО, а ломка тех довольно устойчивых политико-психологических параметров, которые были характерны для ядерного противостояния СССР и США с 1962 по 1991 год. Эрозия стабильности видится политологам в создании совсем новой, особой политико-психологической атмосферы. Теперь политико-военные элиты начинают видеть в «ядерном конфликте»⁷ не ситуацию, заведомо проигрышную для всех его участников, а вариант войны, в которой победа одной стороны вполне возможна и, более того, может теоретически намного «перекрыть» ущерб, нанесенный победителю. В известном смысле политическое сознание «возвращается» к тому состоянию, в котором оно находилось на ранних этапах глобального ядерного противостояния — в 1940-1950-х годах.

Во второй половине минувшего столетия Москва и Вашингтон выбивались из сил, чтобы уменьшить «неминуемые» риски от ядерной войны друг с другом до хотя бы относительно «приемлемого» уровня. Эти попытки вылились в разработку доктрин «контр-силы» и «управляемого конфликта»⁸. Никто, по счастью, никогда не проверил их эффективность и (есть весомые исторические основания судить) не поверил в нее. Благодаря этому СССР и США проявляли крайнюю взаимную осторожность в том, что касалось их ядерного противостояния. В начале нового века мы наблюдаем иное. Новые ядерные и «пороговые» страны (в Южной Азии, а, возможно, и на Ко-

рейском полуострове) начинают видеть в ЯО практическое средство для достижения военной победы⁹. У них нет «психологического барьера» против ядерной войны в той мере, в какой он был присущ пяти ядерным державам «первого поколения». В таком контексте ядерная стабильность гарантирована не полным исключением распространения ЯО за пределы группы «ответственных стран», а всего только ядерным превосходством одних стран над другими. Вместо стабильности и ядерного статус-кво речь фактически идет о новой гонке ядерных вооружений, в ходе которой более слабые ядерные страны будут стараться подтянуться к более сильным.

Во-вторых, термин ЯС употребляется в контексте проблем противоракетной обороны. Американский ученый Юджин Кэрролл (и, конечно, не только он) справедливо считает, что разработка технологий противоракетной обороны (ПРО) возвращает условно рациональный смысл концепции «внезапного удара в определенное заданное время», отвергнутой американскими, а затем и советскими аналитиками, еще во второй половине 1950-х годов¹⁰. Ведь «ядерная стабильность» подразумевала и определенный уровень взаимной ядерной уязвимости. Возникновение же феномена «неуязвимости» одной из сторон автоматически означает разрушение ядерного статус-кво, подрывая логику взаимного гарантированного уничтожения¹¹.

Но, как показали исследования американских политологов Джеймса Линдсея и Майкла О'Хэнлона, создание «щитов» ПРО опасно для стабильности не только и не столько из-за «технической» стороны дела — на нынешнем витке военно-технологического прогресса перехват большинства баллистических ракет потенциального противника пока невозможен. Создание мощных систем ПРО дестабилизирует стратегическую ситуацию потому, что оно влечет за собой ломку всех известных сценариев поведения сторон в ядерном конфликте. Оно провоци-

рует и нестандартные непредсказуемые ситуации, к действиям в которых США, Россия, Китай и другие «старые» члены ядерного клуба просто не готовы. Соответственно, резко девальвируется действенность имеющихся механизмов предупреждения случайной ядерной войны¹².

Можно ли, например, считать актом войны факт поражения ракеты одной из стран контр-ракетой другой? Ведь даже подобная «бесконтактная» акция способна вызвать мощную взрывную волну не только над территорией государства, выпустившего первую ракету, но и какой-либо третьей страны, вся «вина» которой может заключаться лишь в том, что перехват произошел в ее воздушном пространстве. Противоракетные технологии, таким образом, разрушают стабильность не фактом своего существования, а опосредованно — они «размывают» сложившиеся за XX век представления о категориях «войны» и «мира».

В-третьих, термин ЯС используется в контексте проблем паритета. Так его склонны употреблять почти все российские авторы, которые, подобно В.И. Кривохиже, связывают данную категорию с проблематикой сохранению паритета как системы равновесия возможностей¹³. Надо отметить, что подобных взглядов придерживается и известный американский политолог Брюс Блэйр. Длительное отсутствие войн между великими державами после 1945 года, утверждает он, было связано с тем, что технические характеристики ЯО порождали у политиков страх перед его применением¹⁴. Стабильность стала возникать в мире с того момента, когда каждый из ядерных субъектов получил возможность доставить к территории оппонента хотя бы несколько термоядерных боезарядов. Очевидно, в рамках этого дискурса ЯС предстает как свод правил поведения ядерных держав, возникших на базе паритета и осознания политиками (само)разрушительных технических характеристик ядерных систем. Подобный взгляд построен на соединении видения

ЯО через призму его стабилизирующей роли в мировой политике с подходами исследователей конкретно-исторической эволюции ядерных вооружений¹⁵.

Любопытно, что никто из авторов не дает ответа на важные вопросы о том, какой вид ядерных систем служит фундаментом паритета. Были ли первые атомные бомбы подвидом ЯО в современном смысле этого слова, или они представляли собой принципиально иной вид оружия, близкий обычным вооружениям времен Второй мировой войны? Существовала ли ядерная стабильность в первой половине 1980-х годов, когда в Старом Свете были развернуты американские и советские ракеты средней и меньшей дальности? Как оценивать практику использования в югославской кампании НАТО (весна 1999 г.) стержней с обедненным ураном, которые, несмотря на отсутствие в них радиоактивных изотопов урана-235, дали «классический ядерный эффект» в виде вспышек лейкемии? Эти вопросы пока остаются без ответа.

Сопоставляя все три варианта понимания ЯС, трудно избавиться от впечатления, что перед нами лишь случайные терминологические совпадения. Для Арнетта и Джоика стабильность равнозначна конкретной модели советско-американского взаимного ядерного сдерживания. Для Кэрролла, Линдсея и О'Хэнлона она связана с проблемой превосходства «меча» над «щитом». А для Блэйра и Кривохижи это понятие воплощает сопоставимость потенциалов соперничающих ядерных субъектов. В каждом случае исследователи анализируют совершенно разные ситуации. И все же они работают в рамках одного мировоззренческого поля. Их понимание «ядерной стабильности» базируется на ряде общих постулатов.

Для всех теоретиков ЯС возможна лишь там и тогда, где ядерный конфликт не рассматривается ни политиками, ни стратегами как ситуация, способная обеспечить реальный выигрыш. Эталоном такой системы все они считают советско-американские отношения времен «холод-

ной войны». Авторы придерживаются такого мнения, хотя все они признают: столь нелюбимые ими «дестабилизирующие» доктрины «контрсилового удара» и «ограниченной ядерной войны» зародились именно в ту эпоху. За рамками их анализа остается и период 1940-х — начала 1950-х годов, когда и Кремль, и Белый дом реально допускали возможность войны с использованием немногочисленных, относительно маломощных и технически несовершенных атомных бомб, подобных «хиросимской». Такая логика в выборе сюжетов лишь оттеняет тот факт, что большинство исследователей ЯС считает *существование стабильности возможным только на базе «взаимного гарантированного уничтожения»*. Она, по их мнению, фактически исключает по-настоящему «гибкие» схемы использования ядерных боезарядов, несмотря на формальное признание возможности таковых в рамках концепции «гибкого реагирования».

Все приведенные трактовки ЯС «обращены» в ретроспективу международно-политической истории и так или иначе восходят к конкретике прошлого века. Первый подход замкнут в хрестоматийные рассуждения школы исчисления уровней стабильности через оценку высоты порога ядерного сдерживания¹⁶. Второй берет начало в теории классика британской стратегии Бэзила Лиддел Гарта, понимавшего стабильность как «отсутствие обороны» (если ни одна из сторон не чувствует себя в безопасности, то ни одна из них не рискнет начать войну)¹⁷. Третья точка зрения близка многократно и столь по-разному проанализированной в 1970–1980-х годах концепции «стратегического паритета»¹⁸. Но всем исследователям кажется близкой к идеалу та модель ядерного взаимосдерживания, которую после 1962 г. выбрали Москва и Вашингтон для предупреждения прямого военного конфликта.

Чем же современные трактовки ядерной стабильности отличаются от понимания стратегической стабильности второй половины прошлого века?

Прежде всего, в годы «холодной войны» исследователи рассматривали стратегическую стабильность как важнейшую мирополитическую реальность. Сегодня же все варианты рассуждений на тему ЯС описывают ее идеальный аналитический конструкт. И это не удивительно. Во-первых, никто не может сказать достоверно, существует ядерная стабильность или нет. Во-вторых, проще определить, что подрывает ядерную стабильность (распространение ЯО, рывок в противоракетных технологиях, эрозия паритета и т.п.), чем сформулировать ее концептуальное содержание. Во многом ЯС — это скорее то, что существовало в прошлом, но чего может не быть в настоящем.

2

Теории ЯС могли бы показаться игрой ума, если бы не одно существенное обстоятельство. В последние полтора десятилетия, как утверждают авторы работ по ядерному сдерживанию*, стабильность ядерного мира становится все меньше. Под сомнение поставлено базовое представление о том, что воздействие на оппонента угрозой всеразрушительного ответного удара стабилизирует систему международных отношений (*notion of deterrence stability*)¹⁹.

Идея стабилизирующей роли ОМУ взрывчатого типа возникла во второй половине 1940-х годов. В работах американского политолога Бернарда Броди мелькнула мысль о том, что колоссальная раз-

* «Сдерживание» на основе комплекса демонстративных «профилактических» угроз для воздействия на оппонента зародилось еще в викторианскую эпоху. В литературе различается сдерживание-*containment* (удерживание оппонента в рамках приобретенных им сфер влияния) и сдерживание-*deterrence* (воздействие на его волю угрозой неприемлемого ответного удара). Во второй половине XX века термин «ядерное сдерживание» превратился уже в универсальную аналитическую категорию, обозначающую определенный тип политики ядерных держав (взять в заложники стратегический потенциал оппонента, чтобы принудить его к совершению определенных действий).

рушительная сила атомных боезарядов обесценивает категорию войны²⁰. Спустя двадцать лет этот тезис стал популярным сначала в американско-британской, а затем и в советской общественно-политической мысли (разумеется, в том избранном и полузакрытом кругу ее носителей, который обладал соответствующей информацией). С созданием ракетно-ядерного оружия СССР и США оказались примерно одинаково уязвимыми перед массированными ударами друг друга. В этот момент и стало происходить слияние различных прежде категорий «безопасность» и «стабильность»²¹. А к 1980-м годам термин «*stability*» стал уже де-факто обозначать особый тип ядерного сдерживания, при котором два ядерных субъекта берут друг друга в заложники сотнями межконтинентальных средств доставки ЯО и не создают для себя противоядий в виде систем противоракетной обороны.

Однако со второй половины 1970-х годов в научной литературе все чаще стали писать о том, что угроза ракетно-ядерной войны теряет действенность (по американской терминологии, «кредитоспособность»). Считалось, что в условиях наличия уже тысяч единиц термоядерных зарядов потенциальный противник может просто не поверить в готовность противоположной стороны стереть планету в «звездную пыль» — так, во всяком случае, утверждали теоретики «реалистического сдерживания». Зато он легче поверит в угрозу ослепляющего удара по командным пунктам и центрам политического управления²². На базе этих представлений в первой половине 1980-х военные доктрины стран НАТО (а де-факто и Варшавского Договора) стали рассматривать ограниченное ядерное нападение как продолжение политики сдерживания — сигнал к деэскалации конфликта, средство принудить оппонента к невыгодному для него миру и т.п.²³. Исследователи заговорили о неразрешимом парадоксе ядерного сдерживания: повышение реалистичности устрашения увеличивает риск начала войны.

Тревога по поводу того, что из ядерного сдерживания «выпаривается» его стабилизирующая составляющая, появилась за несколько лет до «нового мышления» М.С. Горбачева — примерно в 1977-1983 годах. Другое дело, что распад СССР в 1991-м, дискуссия о судьбе его ядерного арсенала и вступление в ядерный клуб Индии и Пакистана в 1998 г. вывели предшествующие страхи на новый уровень. Сомнения переросли в полемику о том, насколько надежен военный и политико-психологический фундамент, на котором покоятся представления о стабилизирующей роли сдерживания.

Политологи еще в начале 1960-х годов обратились к проблеме того, способно ли ядерное сдерживание стабилизировать систему межгосударственных отношений. Тон дискуссии здесь задал, как известно, теперь уже классик теории международных отношений, американский ученый Кеннет Уолтц, утверждавший, что при наличии ЯО стабильность зависит от размера ущерба, который стороны способны нанести друг другу. Спустя почти 40 лет — уже в начале нового века — Уолтц, анализируя ядерное противостояние Индии и Пакистана в начале 2000-х годов, решил, что его старый тезис подтверждается новым материалом. Стало быть, взаимное сдерживание на основе устрашения — универсальный инструмент обеспечения стабильности, независимо от региональной или культурно-исторической специфики региона, в котором возникает противостояние²⁴.

Но Уолтц также признал: стабилизирующий эффект достижим лишь при выборе противостоящими странами определенного вида ядерной стратегии. «Политика гибкого реагирования, — отмечает он, — уменьшает доверие к стратегии сдерживания и увеличивает вероятность войны», ибо теоретически она может давать надежду на возможность «выигрыша» в ядерном конфликте²⁵. Если бы сверхдержавы были уверены, что за нападением НАТО на страны Варшавского договора или ФРГ на ГДР последует все-

го лишь контрудар с применением обычных вооружений, то война в Европе началась бы еще в 1960-е годы. Таким образом, в начале нового века стабильность на основе ЯО видится аналитикам как переменная величина, производная от многих функций.

Более пессимистичен другой американский автор, Скотт Саган, давний оппонент К. Уолтца. Он характеризует ядерное сдерживание как категорию морально-политическую²⁶. Но мораль и нормы, по его мнению, это категории относительные. Военные действуют по формуле «приказ — техническая готовность средств доставки — нанесение удара». Они, в сущности, рассуждают так, как если бы были свободны от моральных ограничений. Можно ли гарантировать, что в какой-то ситуации (например, во время очередного индо-пакистанского инцидента²⁷) политики устоят перед доводами генералов о необходимости нанести ядерный удар? Как полагает Саган, все представления о стабилизирующей роли «сдерживания» — лишь комплекс психологических представлений, которые разрушаются.

Не меньшее внимание исследователи уделяют и проблеме реабилитации доктрины «ограниченной ядерной войны». В последние годы, утверждает американский политолог Патрик Морган, ведущие ядерные державы изменили смысл ядерного сдерживания. Они не сдерживают другие государства, а пытаются остановить целые процессы — терроризм, распространение ОМУ, региональные конфликты, радикализацию ислама. Размытость предмета сдерживающих воздействий заставляет сместить акцент на ситуативные реакции: разоружение «новых ядерных игроков», удары возмездия по очагам терроризма и т.п.²⁸. В то же время на концептуальном уровне стратегии борьбы с нетрадиционными угрозами мало чем отличаются от стратегии времен наполеоновских войн. Ни операция «Буря в пустыне» (1991), ни кампания в Афганистане (2001–2002) не привели к раз-

работке новых стратегий. Цель этих акций заключалась в разгроме вражеских сил и установлении контроля над определенными территориями. В подобной ситуации, как полагает Морган, принципиально отказываться от нанесения первого ядерного удара было бы «неумдро»²⁹.

С середины 1990-х годов осмелевшие восточноевропейские политологи принялись писать об угрозе ядерного конфликта в Балтийско-Черноморском регионе³⁰. Об опасности региональных конфликтов (например, в Корее или вокруг Ирана) с неминуемым ядерным измерением предупреждают российские эксперты³¹. Раздаются голоса о том, что старая советско-американская модель сдерживания еще худо-бедно работает в отношениях между Россией и США, но она малопригодна для регулирования ситуаций на периферии мира хотя бы из-за отсутствия в развивающихся странах достаточно передовой технической базы управления собственным потенциальным или реально имеющимся ядерным оружием³².

Хуже того, опыт трех войн против Ирака и двух против Югославии показал, что между «классическим» ядерным конфликтом (который мы знаем из теории) и классической полномасштабной войной с применением обычных вооружений (о них мы знаем по практике) теперь возможны «промежуточные варианты» — «войны-принуждения» (*compellance*)³³. Сегодня даже «старые» ядерные державы могут рассматривать (а администрация Дж. Буша фактически рассматривает) возможности для нанесения неспровоцированных ограниченных ядерных ударов по тем или иным странам не в интересах захвата их территорий или полного уничтожения потенциала сопротивления, а с целью заставить противника изменить политику. Странно ли, что менее ответственные государства, рвущиеся к обладанию ЯО или приобретшие его «нелегально», рассуждают таким же образом?

«Гибкое реагирование» было изобретено аналитиками в начале 60-х годов прошлого века. В тех условиях вся его «гиб-

кость» заключалась в принципиальном признании возможности управлять советско-американской конфронтацией³⁴. Хотя это управление теоретически не исключало возможности силового столкновения СССР и США, в том числе ограниченного ядерного конфликта между ними, на самом деле, как доказано историей, задача гибкого реагирования была в другом. Оно было призвано не допустить не только общего ядерного конфликта между сверхдержавами, но и любого конфликта высокой интенсивности между ними.

Обрушение военно-политической bipolarности и ставшее реальностью распространение ЯО после 1991 г. создали принципиально новые военно-стратегические условия, в которых старая концепция приобретает новое значение. *«Гибкое реагирование» — с реальным, а не символическим, как полвека назад, акцентом на «гибкости» — объективно приобретает в современных условиях тот самый дестабилизирующий смысл, который в книгах 1960–1970-х годов ему старались приписать советские «ученые-пропагандисты». Именно эта концепция грозит стать основополагающей в международной ситуации, для которой характерно стремление США действовать в одиночку и соотносясь преимущественно с узко и эгоистично понимаемыми национальными интересами.* На деле сегодня ЯС представляет собой категорию скорее политико-психологическую, чем реальную. Она практически перестала существовать вне двуединства устойчивых психологических представлений о принципиальной невозможности победить в ядерной войне и конкретных стратегий международного поведения на основе «взаимного сдерживания» в ядерной области.

З

Современные американские политологи все чаще говорят о том, в основе ядерного сдерживания лежит своеобразная психологическая догма. «Мы никогда не используем ЯО как боевое оружие и потому должны исключить саму возможность войны между великими держава-

ми», — писал в 1985 г. классик ядерной проблематики Майкл Макгвайр³⁵. А в наши дни Патрик Морган прямо говорит, что именно ядерный фактор удерживал сверхдержавы от начала третьей мировой войны³⁶. Между тем, «атомный» и «подлетный» периоды* свидетельствуют о том, что политико-психологическое восприятие ЯО может быть и принципиально иным — отличным от «стабилизирующего устрашения». Теоретически ничто не мешает разработать альтернативную стратегию, допускающую использование сверхмалых боезарядов по образцу применявшихся в годы Первой мировой войны отравляющих газов. Набросками подобной стратегии можно считать и контрсиловой удар Роберта Макнамары, и предложенное Джеймсом Шлесинджером сверхточное наведение крылатых ракет. Другое дело, что этому препятствует восприятие большинством политиков, частью военных специалистов и общественным мнением ЯО как оружия «сакрального». Любой из возможных сценариев его применения массовое сознание рассматривает как запределную ситуацию.

Почему же в годы «холодной войны» ядерный конфликт не рассматривался «реальной возможностью» внешнеполитического поведения? Очевидно, в эталонный

* Под термином «атомный период» американские исследователи, как правило, понимают промежуток времени с 1945 по 1953 год, когда и советская, и американская элита рассматривали войну с использованием атомных бомб ранга «хиросимской» как выигрываемый конфликт, сам облик которого весьма напоминал только что отгремевшую Вторую мировую войну. (В художественной форме такое восприятие атомной войны хорошо передано в написанной в те годы антиутопии Дж. Оруэлла «1984».) «Подлетный» период обозначен таким, каким его представляли в литературе 1974–1987 годов. Тогда, разместив в Европе баллистические ракеты средней и меньшей дальности с разделяющимися головными частями индивидуального наведения и крылатые ракеты, Москва и Вашингтон ориентировались на теоретическую модель ограниченного ядерного конфликта с «мгновенным» поражением командных пунктов, узлов связи и центров военно-политического руководства противника.

для теоретиков ЯС период с середины 1950-х до середины 1970-х годов в мирополитической системе доминировало жесткое разделение на «оборону» и «безопасность».

Со времен президента Дуайта Эйзенхауэра американская военная доктрина различает стратегическое и тактическое ядерное оружие. Первое включает в себя межконтинентальные баллистические ракеты, баллистические ракеты на подводных лодках и тяжелые стратегические бомбардировщики, и применяется лишь в том случае, если президент и правительство приняли политическое решение. Второе — авиабомбы фронтовой авиации, оперативно-тактические ракеты и так называемая «ядерная артиллерия» — находится в непосредственном подчинении военных³⁷. На эту же точку зрения встало спустя десятилетие и советское руководство, разграничив понятия «ядерная война» и «война с применением ЯО» и соотнеся их с стратегическими и тактическими ядерными системами³⁸. В обоих случаях безопасность рассматривалась как система превентивных мер, а оборона — как отражение агрессии, то есть как быстрая деэскалация конфликта³⁹. Это, очевидно, и послужило фундаментом для концепций «двойной природы» сдерживания⁴⁰.

Очевидно, стабильность основывалась на существовании более или менее четкого представления о «предельно допустимом соотношении» «запредельной» и «нормативной» конфликтности⁴¹. Наличие такого представления блокировало перенесение сценариев ядерного конфликта из теоретических штабных набросков в сферу практической большой политики.

Логика «безопасности» ориентировалась на угрозу массированного ядерного удара по стратегическому потенциалу оппонента. Однако военные эксперты многократно подчеркивали бесперспективность подобного сценария⁴². Логика «обороны» предполагала войну с использованием небольшого числа тактических боезарядов. При этом политики убеждали военных: реализация теоретических

наработок в русле «обороны» не сулит политических выгод. Обменявшись ограниченными ударами, стороны должны будут или начать друг против друга стратегическую ядерную войну, или сесть за стол переговоров с целью восстановить довоенный статус-кво⁴³.

Очевидно, технологические характеристики ситуации второй половины XX века не позволяли «вывести за скобки» ЯО подобно тому, как в годы Второй мировой войны были «выведены из игры» химические боезаряды. Разработать сценарий «выигрываемого» конфликта с его использованием не удавалось. Ситуация стала меняться только к концу 1970-х — в момент, когда обозначился новый технологический прорыв на основе высокоточного оружия. Вот тогда политики с новой силой стали искать альтернативу стратегическому пату.

Изложенное выше позволяет определить ЯС как систему, в которой политические функции ЯО (принуждение оппонента к каким-то действиям) четко отделены от его военных функций (разработка сценариев ведения войны с применением ЯО для убеждения оппонента в бесперспективности первого удара). Такая система представляет собой аналитический конструкт, который в чистом виде не существовал никогда. Однако в 1950–1970 гг. мирополитическая система была близка к этому эталонному состоянию, хотя в конце 1940-х и в первой половине 1950-х годов Москва и Вашингтон допускали возможность войны с применением имевшихся тогда несовершенных и многочисленных атомных бомб мощности, сравнимой с той, что упала на Хиросиму. А современная «ядерная инфраструктура» (но не оружие!) начинает совмещать в себе обе функции: противоракеты и сверхмалые бомбы (дающие минимум радиоактивного загрязнения) должны одновременно и устрашать противника, и сокрушать его военную инфраструктуру. Американские политологи полагают, что прогресс вооружений позволяет создать антитезу перманентному

снижению порога ядерного сдерживания, который стал происходить в условиях распада «старой», реально действовавшей «стратегической стабильности».

Это наблюдение заставляет по-новому посмотреть на ключевой тезис Карла фон Клаузевица о том, что «война есть продолжение политики другими средствами». Любая война рождается из неразрешимости той или иной конфликтной ситуации политическими средствами. Однако сами представления политиков о возможном и невозможном зависят от уровня развития стратегии в конкретную эпоху, а, главное, от осмысления ими возможных потерь и выигрышей в случае войны. В 2000-х годах старый ограничитель конфликтности в лице категории «ядерного удара» постепенно «выпаривается» из военно-стратегических расчетов. Очередная революция в технологиях создает фундамент возрождения милитаризма?

4

Сопоставляя три контекста употребления термина «ядерная стабильность», можно заметить, что все они несут печать страхов двадцатилетней и сорокалетней давности. Когда в начале 1960-х Р. Макнамара и Д. Ачесон провозгласили формулу «гибкого реагирования», предполагающую ограниченный контрсиловой удар вкупе с действиями обычных вооруженных сил, на Западе вышло огромное количество публикаций о возможности «ограниченной ядерной войны» в Европе. Через два десятилетия в Старом Свете появились советские и американские ракеты средней и меньшей дальности, и страхи перед превентивным контрсиловым ударом стали приобретать реальные очертания. И все же в то время негативные тенденции так и не смогли взорвать устои «стратегической стабильности». Почему же сегодня ученые полагают, что распространение ЯО, разработка систем ПРО и создание «околоядерных» вооружений сводят на нет «стабилизирующее устрашение»?

Распространение ЯО в прежних пери-

ферийных конфликтных регионах мира могут показаться знаками триумфа концепции «гибкого реагирования». Летом 1998 года, после испытания ядерных бомб в Индии и Пакистане, прогнозы индо-пакистанского конфликта строились на ожидании его развития как контрценностной войны. Предполагалось, что в ответ на наступление Индии Пакистан нанесет демонстрационный удар по индийским городам⁴⁴. Но на самом деле во время «военных тревог» 2001-2002 гг. обе державы выдвинули свои носители тактического ЯО непосредственно к границам, явно ориентируясь на их ограниченное применение. В отсутствие основного инструмента «обезоруживающего» удара — боеголовок с разделяющимися головными частями индивидуального наведения — это могло означать только одно: штабы обеих сторон намеревались нанести удары по сухопутным группировкам противника в зонах его приграничных укреплений.

Ряд исследователей считает убедительными сходные сценарии развития возможного «контрсилового» конфликта на Корейском полуострове. Главная угроза войны в Восточной Азии, утверждают они, таится не в ядерных испытаниях Пхеньяна, а в неопределенности, которая последует за его возможным вступлением в число ядерных держав⁴⁵. С учетом этого можно предположить, что при распространении ЯО конфликт с его применением рассматривается политиками-военными элитами периферийных стран как потенциально выигрышный, то есть как война, в которой вполне можно добиться победы. Это полностью противоречит той логике и опыту, которые на протяжении второй половины прошлого века определяли международное поведение абсолютно всех пяти «легальных» ядерных держав.

Риск военного конфликта увеличивает и создание американской ПРО. В отличие от предшествующих попыток 1960-х и 1980-х годов администрация Джорджа Буша-мл. предполагает создать не стационарный «щит», а большое количество

относительно автономных перехватчиков, уничтожающих баллистические ракеты противника на разгонном участке траектории полета. В программной речи 1 мая 2001 г. президент США поставил задачу развернуть в ближайшие пять – десять лет ограниченную ПРО, состоящую из противоракет морского и воздушного базирования, а также группировки космических спутников с лазерным оружием и инфракрасными датчиками для обнаружения пусков ракет и ядерных взрывов⁴⁶. А в директиве от 18 декабря 2002 г. Джордж Буш прямо указал: до наступления 2005 г. США поставят на боевое дежурство перехватчики наземного базирования и разместят на американских крейсерах и эсминцах противоракеты, способные уничтожать ракеты средней дальности противника (что, однако, было выполнено только частично)⁴⁷. Реализация этих проектов потребовала бы от Вашингтона создать глобальную сеть РЛС для наблюдения, распознавания и слежения за пусками ракет потенциальных противников. И вопреки распространенному скептицизму, эти проекты не столь фантастичны, как это может показаться на первый взгляд.

В середине 1980-х годов экс-министр обороны США Р. Макнамара писал, что система СОИ потребует громоздких и уязвимых «космических зеркал» и чудовищного энергетического обеспечения⁴⁸. Теперь эти проблемы во многом оказываются снятыми. Предназначением системы будет не перехват удара советских межконтинентальных баллистических ракет (как на то ориентировались стратеги прошлого века), а борьба с небольшими ракетными потенциалами азиатских противников Вашингтона. «Фактор ПРО», как справедливо отмечают Линдсей и О'Хэнлон, неизбежно будет способствовать увеличению числа ситуаций с непросчитываемым исходом, каждая из которых теоретически может угрожать началом полномасштабного регионального конфликта.

В последние годы в США произошел концептуальный сдвиг в осмыслении

функциональной роли ЯО, сравнимый по масштабности с появлением концепций «контрсилового удара» (1961) и «ограниченной ядерной войны» на основе выигрыша в подлетном времени (1974). После «Бури в пустыне» центральной проблемой американской стратегии стало увеличение поражающей мощи высокоточных систем, что связывается с созданием такого оружия, которое по поражающей мощи будет равно тактическим ядерным боезарядам, хотя будет свободно от их недостатков. В рамках этого поиска в Америке ведутся работы по:

- разработке боеголовок, поражающих не энергией взрыва, а кратковременными микроволновыми импульсами, способными бесконтактно воздействовать на ядерные объекты противника;
- анализу опыта применения на Балканах «бомб с обедненным ураном»;
- осуществлению принятой в январе 2002 г. ядерной доктрины США, предусматривающей создание сверхмалых ядерных боезарядов со сверхмалыми радиоактивными осадками для локального поражения подземных бункеров и пещер⁴⁹;
- содействию отмене Конгрессом резолюции Фурса-Спратта (1994) о запрете на разработку сверхмалого ЯО мощностью менее пяти килотонн;
- разработке нового вида боезарядов на основе новых радиоактивных элементов (например, гафния), взрывной эффект которых проявляется в отсутствие классической реакции расщепления атомного ядра⁵⁰.

Невольно вспоминаются наблюдения Блэйра и Джоика, которые вслед за Джоном Гэддисом полагают, что стабильность воплощает особую поведенческую категорию, базирующуюся на политическом осмыслении технических характеристик ЯО. Сохранится ли отношение к ядерному оружию как к исключительно «последнему резервному средству», если крылатые ракеты в самом деле будут оснащены «околяядерными» боеголовками? Устоит ли политическое сознание перед соблазном согласиться с их «нор-

мативным» применением — особенно ввиду того, что основные потенциальные противники США (Иран или КНДР, например) обладают как раз труднодоступной военной инфраструктурой в горной местности?

В будущем, прогнозируют американские военные аналитики, будет значительно труднее разграничивать и распознавать ядерные и обычные системы оружия и средства его доставки к целям. Это может повысить риск санкционированного применения ЯО⁵¹. В такой ситуации «порог ядерного сдерживания» может не просто снижаться, а вообще потерять концептуальные основания: ни стратеги, ни политики не смогут точно определить, в какой момент конфликта одна из сторон прибегнет к использованию именно ядерных систем.

Снова возникают исторические ассоциации. В последней четверти XIX в. военные специалисты разрабатывали планы войны на основе всеобщей мобилизации. Но они считали ситуации, когда она могла бы понадобиться, «запредельными». В Европе существовала относительная стабильность, понимаемая, правда, через жесткое сохранение статус-кво. Когда же (приблизительно, после русско-японской войны и окончательного оформления так называемого «плана Шлиффена») политики решили, что всеобщая мобилизация может на самом деле оказаться средством победы в борьбе за радикальную перекройку границ, и началась Первая мировая война.

В 1920-е годы европейские политики опасались войны «химической», считали ее «запредельной» и поэтому не очень вероятной. Но десятилетие спустя стратеги подарили им оружие стремительного прорыва обороны — танковые корпуса. «Химической войны» в самом деле не произошло, но «танковая война» (она же Вторая мировая) оказалась вряд ли намного лучше ее. И в том, и в другом случае мы имеем дело с ситуацией, когда штабное планирование осуществляется сначала отдельно от большой политики, а затем со-

единяется с ней. Политико-военные элиты начинают делать ставку на новые технологии как на средство пересмотра статус-кво. В 1974-1987 гг. стратегам не удалось «подтянуть» планы ограниченной ядерной войны к уровню «условно-нормативной» конфликтности, каким он был в рамках ялтинско-потсдамского порядка. Но в рамках современного миропорядка может оказаться возможным то, что считалось «запредельным» 15-20 лет назад.

Во второй половине XX века военная стратегия базировалась на жестком понимании сути «ядерного удара». Он определялся как момент массированного применения стратегических сил или использования одиночных боезарядов. Внедрение новейших военно-технических достижений порождает совершенно новые варианты вооруженных столкновений: применение бомб с обедненным ураном, использование высокоточных систем сверхмалыми боезарядами, отражение ограниченного удара противоракетами и, наконец, поражение отдельных ядерных объектов противника микроволновыми импульсами. Особую опасность представляют собой сочетания этих четырех вариантов. Если подобные сценарии начнут на самом деле реализовываться на практике, то вскоре неизбежно возникнет своего рода «эффект привыкания» к применению атома в военных целях. Это будет означать полную девальвацию психологического и политико-психологического барьера против применения «ядерной кнопки».

Развитие военной стратегии ведет к новой глобальной ситуации, в которой ограниченный удар «околоядерными» средствами будет рассматриваться как «заурядная» боевая ситуация, следствием которой является не всеобщий ядерный коллапс, а всего лишь серьезный ущерб для военной и экономической инфраструктуры противника. Ядерный порог разрушается по мере того, как все более реальным становится использование противоракет, гафниевых боезарядов, а также поражение бункеров и пещер ударами боезарядов в одну-две килотонны.

* * *

Эрозия ЯС связана с появлением в рамках системы ядерного сдерживания третьего элемента, разрушающего теоретический, логический и политический водоразделы между «безопасностью» и «обороной». Пока трудно предвидеть точно, какую военную функцию на самом деле смогут выполнять противоракеты, «гафниевые» боезаряды и применение модифицированных тактических ядерных систем. Однако очевидно: учитывая военно-технологические прорывы последних лет, новейшие наработки штабистов во всех странах неуклонно прокладывают себе путь к кабинетам х политических лидеров.

Примечания

¹ См.: *Morgan P.* Deterrence Now. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; *Sagan S.D., Waltz K.N.* The Spread of Nuclear Weapons. A debate Renewed. New York; London: W.W. Norton & Company, 2003; *Kramer M.* Neorealism, Nuclear Proliferation, and East-Central European Strategies // *Unipolar Politics: realism and state strategies after the Cold War* / E.K. Kapstein, M. Mastaduno (eds.). New York: Columbia University Press, 1999. P. 385–463; *Тимербаев Р.М.* Международный контроль над атомной энергией // Научные записки ПИР-центра. 2003. № 1 (22). М.: Права человека, 2003; Ядерное распространение / Под общ. ред. В.А. Орлова М.: ПИР-Центр политических исследований, 2002. Т. 1. С. 28, 62.

² Подробнее об эрозии военно-политической стабильности см.: *Woodward B.* Bush at War. New York: Simon & Schuster, 2002; *Brown S.* The Illusion of Control. Force and Foreign Policy in 21st Century. Washington: Brookings Institution Press, 2003. Первые отклики на эти работы в отечественной политологии см.: *Международные процессы.* 2003, № 3. С. 148–155.

³ *Shaw M.R.J.* International Law. Fifth edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 1263.

⁴ *Arnett E.* Nuclear Stability and Arms Sales to India: Implications for U.S. Policy (http://www.armscontrol.org/act/1997_08/arnett.asp, дата посещения 22.03.2004); *Kampani G.* The Military Coup in Pakistan: Implications for Nuclear Stability in South Asia (<http://cns.mis.edu/pubs/reports/gaurav.htm>, дата посещения 22.03.2004); *Cotta-Ramusino P., Martinellini M.* Nuclear Safety, Nuclear Stability, and Nuclear Strategy in Pakistan.

A Concise Report of a Visit by Landau Network / Centro Volta (<http://mi.inf.it/~landnet/Doc/pakistan.pdf>, дата посещения 30.03.2004); *Joek N.* Maintaining Nuclear Stability in South Asia. London, 1997.

⁵ *Arnett E.* Op. cit. P. 2.

⁶ *Joek N.* Op. cit. P. 8–66.

⁷ Здесь и далее под термином «ядерный конфликт» мы вслед за видным российским специалистом А.А. Кокошиным понимаем «кризисную ситуацию, в которую вовлечены один или несколько обладателей ядерного оружия и в ходе которой происходит эскалация до уровня, когда одна или более сторон начинают рассматривать практическую возможность применения ядерного оружия». См.: *Кокошин А.А.* Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники). М.: Медиа-Пресс, 2003. С. 4.

⁸ О поисках на этом направлении см. во многом не устаревшую и сегодня монографию бывшего министра обороны США Роберта Макнамары «Путем ошибок – к катастрофе. Опыт выживания в первом веке ядерной эры» (М.: Наука, 1988).

⁹ См.: *Perkovich G.* India's Nuclear Bomb. The Impact on Global Proliferation. Berkeley: University of California Press, 1999; *Samore G.* The Korean Nuclear Crisis // *Survival.* Spring 2003. Vol. 45. № 1. P. 7–24.

¹⁰ *Carroll E.J.* Why Should You / We Care? Washington: Center for Defence Information, 2001; *Mistry D.* Beyond the MTCR. Building a Comprehensive Regime to Contain Ballistic Missile Proliferation // *International Security.* Spring 2003. Vol. 27. No 4. P. 119 – 149; Nuclear Stability and Missile Defenses. Como, Italy, 6–8 September 2001 // *Pugwash online.* Pugwash Meeting no. 266 (<http://www.pugwash.org/reports/nw/nw14.htm>, дата посещения 03.04.2004).

¹¹ См.: *Медведев Р.* Владимир Путин: четыре года в Кремле. М.: Время, 2004. С. 219; *Traynor Y., Borger J.* Bush wins the final battle for star wars // *The Guardian.* 16 May, 2002.

¹² *Lindsay J.M., O'Hanlon M.E.* Defending America: The Case for Limited National Missile Defense. Washington: Brookings Institution Press, 2001.

¹³ *Кривохижа В.И.* Ядерный фактор в современном мире. М.: РИСИ, 1996; Договор СНВ-2 и ядерная стабильность. М.: РИСИ, 1994. См. также: *Рогов С.М.* Россия и США: партнерство или новое отчуждение // *Международная жизнь.* 1995. № 7. С. 5–14.

¹⁴ *Blair B.G.* Crisis Stability and Nuclear War. Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 14–57; *еро же:* The Logic of Accidental Nuclear War. Washington: Brookings Institution, 1993; Даль-

нейшее развитие методологии Блэйра см.: *Bohlen A. The Rise and Fall of Arms Control // Survival. Autumn 2003. Vol. 45. № 3. P. 7–34.*

¹⁵ Попытку представить такую модель ядерной стабильности в структурно-математическом ключе см.: *Powell R. Nuclear Deterrence Theory, Nuclear Proliferation, and National Missile Defense // International Security. Spring 2003. Vol. 27. № 4. P. 86 – 118.*

¹⁶ *Kahn H. On thermonuclear war. Westport: Greenwood Press, 1978.*

¹⁷ *Liddel Hart B.H. Deterrent of Defense. London: Stevens and Sons, 1960.*

¹⁸ В те годы он определялся как система, в которой качественные и структурные диспропорции в потенциалах не влияют на общее равенство в количествах носителей, боезарядов и их суммарной мощности. (См.: *Арбатов А.Г. Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Политиздат, 1984. С. 6.*)

¹⁹ Анализ концепций ядерного сдерживания см.: *Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры / Под ред. Б. Колпитерса, Н. Фоушинга, Р. Аперсяна. М.: Гардарики, 2002. С. 180–182; 197–203; Геловани В.А., Пионтковский А.А. Эволюция концепций стратегической стабильности: (Ядерное оружие в XX и XXI в.) / Под ред. С.В. Емельянова. М.: Институт системного анализа РАН, Институт социальной информатики МА-ИПТ, 1997; Trachtenberg M. History and Strategy. Princeton: Princeton University Press, 1991.*

²⁰ *Brodie B. Strategy in the Missile Age. Princeton: Princeton University Press, 1959.*

²¹ См.: *Богатуров А.Д. Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970–90-е гг. М.: Московский общественный научный фонд, 1996. С. 14–16.*

²² *Morgan P. Saving Face for the Sake of Deterrence // Psychology and Deterrence. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1985. P. 125–152; Williams Ph. The Senate and US troops in Europe. London, Basingstoke: Macmillan, 1985.*

²³ «Если политика сдерживания рухнет и начнется стратегическая ядерная война с СССР, — указывала, например, американская директива в области обороны на 1984–1988 гг., — Соединенные Штаты должны добиться превосходства и заставить Советский Союз искать скорейшего окончания войны на условиях, выгодных Соединенным Штатам». (Цит. по: *Макнамара Р. Указ. соч. С. 29–30.*)

²⁴ *Sagan S.D., Waltz K.N. Op. cit. P. 34, 49, 114.* Первоначальная версия главы «More may be better» была изложена еще в 1981 г. в форме статьи. Но, в отличие от первоначального вари-

анта, в 2003-м Уолтц убрал тревожные размышления о натовских планах использовать тактическое ядерное оружие в дезэскалационных целях. Зато он ввел материал о кризисе вокруг северокорейской ядерной программы. Его относительно успешное завершение служит для автора лишним подтверждением старого тезиса о распространении ЯО — «чем больше, тем лучше».

²⁵ *Ibid. P. 32.*

²⁶ *Ibid. P. 60.*

²⁷ *Ibid., p. 91, 100.*

²⁸ *Morgan P. Deterrence Now. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 172–202.* В настоящее время, считает Морган, система всеобъемлющего рационального воздействия на оппонента («*general deterrence*») заменяется набором чисто ситуативных реакций («*immediate deterrence*»), в число которых может входить в том числе и ограниченный ядерный удар по оппоненту. Здесь автор «*Deterrence Now*» выступает наследником серьезной научной традиции часто цитируемых им Скотта Сагана, Майкла Макгвайра и Лоуренса Фридмана. Однако его прогнозы более пессимистичны. В 1994 г. Саган считал, что угроза ограниченной ядерной войны постепенно отходит на второй план перед другими вызовами. Но уже в 2003 г. Морган говорит: в начале нашего века на новом технологическом субстрате она возрождается.

²⁹ *Ibid. P. 271.*

³⁰ См.: *Kramer M. Op. cit. P. 395–405.* Примечательно, что к аналогичным выводам пришли и участники российско-белорусской конференции «Европейская и Евразийская безопасность: Балтийско-Черноморский вектор» (Минск, июнь 2000 г.). Разница заключалась лишь в том, что основную угрозу они видели со стороны НАТО.

³¹ *Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. М.: Мысль, 2002. С. 125–136, 163–182; Какой мир грянет? (Материалы круглого стола) // Международная жизнь. 2003. № 4; Богатуров А.Д. Союз в защиту Ким Чен Ира // Независимая газета. 15 апреля 2003. В более мягкой форме такой же прогноз содержится и в статье: *Рогов С.М. Доктрина Буша // Свободная мысль. 2002. № 4. С. 4–14.**

³² *Арбатов А.Г. Романтизм времен холодной войны. Ядерное разоружение становится все менее продуктивным // Независимое военное обозрение. 2004. № 7. С. 4; Федоров Ю.Е. «Ядерный фактор» в мировой политике XXI века // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 4. С. 57–71.*

³³ Подробный анализ политики «принуждения» приведен в работе: *Freedman L. Strategic Coercion: Concepts and Cases. New York: Oxford*

University Press, 1998. Автор стремится показать, что идея «принудить» оппонента к каким-либо действиям военной операцией существовала в англосаксонской политологии и до 1990 года. Опыт же войны в Заливе перевел это теоретическое понятие в реалполитическую категорию.

³⁴ «Главной целью в случае атомной войны должно быть уничтожение военного потенциала противника, а не его гражданского населения», — так объяснил суть «контр-силового» удара министр обороны США Р. Макнамара в своей речи в Анн-Арборе в июне 1962 года. (Цит. по: Арбатов А.Г. Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Политиздат, 1984. С. 15). Подробный анализ возможных сценариев ядерного конфликта в рамках «гибкого реагирования» 1960-х годов см.: *Deitchman S.J. Limited War and American Defense Policy. Cambridge-Massachusetts: The MIT Press, 1964. P. 43–183.*

³⁵ *McGwire M. Deterrence: The Problem Not the Solution // SAIS Review. 1985 (Summer/Fall). Vol. 5. № 2. P. 121.*

³⁶ *Morgan P. Op. cit. P. 28*

³⁷ О возникновении подобной доктрины см.: *Шлезингер А. Циклы американской истории. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 578 – 585.*

³⁸ Работ о советской ядерной стратегии немного. См., например: *Кокошин А.А. Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль. М.: Международные отношения, 1995; McGwire M. Perestroika and Soviet National Security. Washington, 1991; Trenin D. The soviet conceptions of nuclear war. Weimar, 1992.* Эти исследователи уделяют особое значение тому факту, что в середине 1970-х годов СССР создал разделяющиеся головные части индивидуального наведения, разместил в Европе около 300 ракет средней дальности СС-20, а десятилетие спустя на боевое дежурство советской армии были поставлены подвижные межконтинентальные железнодорожного базирования и на автотягачах. Эти тенденции отчетливо показывают, что советские военные стратеги также признавали допустимость концепций «гибкого реагирования» и «контрсилового удара».

³⁹ Конечно, русскоязычная литература по общей проблематике безопасности не разделяет категории «оборонь» и «безопасности», что резко отличает ее от литературы англосаксонской. Однако в области ядерного сдерживания такое разделение проводится. Подробнее см.: *Арбатов А.Г. Безопасность: Российский выбор. М.: ЭПИцентр, 1999; Разоружение и безопасность: 1997 – 1998. Россия и международная система контроля над вооружениями. М.: Наука, 1997.*

⁴⁰ *Walker W. Nuclear order and disorder // International Affairs. October 2000. Vol. 76. № 4. P. 706–707.*

⁴¹ *Богатуров А.Д. Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970–90-е гг. С. 40–42.*

⁴² Оценку этих планов см.: *Halperin M. Nuclear Fallacy: Dispelling the Myth of Nuclear Strategy. Cambridge: Ballinger, 1987. P. 61–88; Amme C.H. NATO Strategy and Nuclear Defense. New York: Greenwood Press, 1988.*

⁴³ *Sagan S.D., Waltz K.N. Op. cit. P. 17–37.*

⁴⁴ См.: например: *Коммерсантъ-Власть. 1998. № 21. С. 42–46.* См. также: *Joek N. Nuclear Developments in India and Pakistan // Access Asia Review. July 1999. Vol. 2. № 2.*

⁴⁵ См.: *The second North Korean nuclear crisis. Australian Institute of International Affairs (http://www.aiia.asn.au/news/korean_nukes.html, дата посещения 5.04.2004).* Подобные наблюдения тем более примечательны, что новая ядерная доктрина США рассматривает конфликт на Корейском полуострове как один из наиболее вероятных сценариев применения тактического ЯО. (См.: *Независимое военное обозрение. 2002. № 9. С. 2).*

⁴⁶ *Text of Missile Defense Speech by President Bush, May 1, 2001 (<http://www.ceip.org/files/projects/npp/resources/bushnmdspeechtext.htm>, дата посещения 09.12.2004).*

⁴⁷ *President Announces Progress in Missile Defense Capabilities (<http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/12/20021217.html>, дата посещения 10.12.2004).*

⁴⁸ *Макнамара Р. Указ. соч. С. 136–149.*

⁴⁹ См.: *Gordon M.R. U.S. Nuclear Plan Sees New Targets and New Weapons // New York Times. March 20, 2002; Bunker Busters: Washington's Drive for New Nuclear Weapons, BASIC Research Report by Bromey M., Grahame D., Kucia Ch. July 2002 (<http://www.basicint.org/pubs/Research/2002BB.pdf>, дата посещения 10.12.2004).*

⁵⁰ См.: *Пентагон разрабатывает новое ядерное оружие (http://nadin.cinex.ru/kino/2003/May/16/2002/Feb/12/2001/Nov/26/2003/Sep/11/11-25_lc90w2y.html, дата посещения 14.09.2004); Гонка вооружений в XXI веке (<http://nuclearno.ru/text.asp?6650>, дата посещения 01.11.2004).*

⁵¹ *Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: «Вече», 2002. С. 58.* К подобным выводам склоняется в своей работе 2003 г. и американский политолог Сеймон Браун. (*Brown S. Op. cit. P. 53–106.*)